

PRAGMATIC FEATURES OF METACOMMUNICATIVE APOLOGIES IN THE DISCOURSE OF INTERVIEW

Abstract: The paper investigates the pragmatic functions of expressions used as metacommunicative apologies in contemporary Russian mass-media interviews. Two types of these devices are distinguished according to the kind of linguistic units they are focused on. It is argued that some regular violations of conversational rules can be revealed by exploring the use of metacommunicative apologies in the context of newspaper interviews, taking into account that the interaction between the interviewer and the interviewee is audience-oriented.

Author information:

Silvia Petkova
Assoc. Prof., PhD
Sofia University. St. Kliment Ohridski
✉ silpet2000@yahoo.com
🌐 Bulgaria

Keywords:

pragmatics, verbal interaction, metacommunication.
violation of conversational maxims, Grice's maxim of
manner, the tact maxim.

В наши дни немалое количество работ посвящается изучению взаимодействия между участниками диалогического общения. При этом большинство исследователей исходит из понимания того, что речевое взаимодействие „помещается в социально-культурные условия конкретной ситуации“ и „организуется совместными координированными усилиями обоих участников общения“ [3, с. 57]. Все еще недостаточно изученными, однако, являются специфические для разных дискурсивных жанров метакоммуникативные единицы (метакоммуникативы), которые „непосредственно обращены к слушающему, направляя его речемыслительную деятельность по восприятию и интерпретации сообщаемой информации“ [7, с. 85]. Анализ их функционирования в диалоге с позиций лингвопрагматики может способствовать выявлению конкретных механизмов оптимизации вербальной интеракции и гармонизации коммуникации.

Среди языковых средств, служащих для урегулирования взаимодействия между собеседниками, особое место занимают метакоммуникативные извинения. К ним относятся конструкции *извините за выражение, простите за любопытство, простите за нескромный вопрос, извините за прямоту, простите за резкость* и др., которые сигнализируют о том, что говорящий осознает факт допущенного им отклонения от принятых правил речевого общения (конверсационных правил) и пытается сгладить ожидаемый негативный эффект. В набор конверсационных правил, нарушения которых могут стать поводом для метакоммуникативных извинений, входят широко известные в лингвистической прагматике максимы кооперативного общения П. Грайса [2, с. 222–223] и максимы вежливости, сформулированные Дж. Личем [11, с. 104–149]. Когда данные максимы соблюдаются, это очевидно для коммуникантов и не нуждается в вербальной экспликации. Метакоммуникативные извинения, подобно другим средствам выражения прагматически релевантных метасмыслов, появляются в дискурсе только в случае необходимости – “при каких-то отклонениях от обычного, стандартного хода коммуникации, когда говорящий вынужден комментировать свою речевую деятельность” [9, с. 13].

Метакоммуникативные извинения в русском языке впервые стали объектом лингвопрагматического анализа в одном из разделов монографии Р. Ратмайр “Прагматика извинения” [8, с. 138–158]. Автор определяет их как извинения особого типа, которые относятся „не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к различным аспектам самого

высказывания, к нарушениям норм ведения разговора“ [там же, с. 138]. Подчеркивается также, что, будучи вставными конструкциями, они произносятся в быстром темпе, без самостоятельного ударения и, в отличие от конвенциональных извинений, не требуют вербальной ответной реакции со стороны адресата.

В свете деятельностного подхода к языку метакоммуникативные извинения следует рассматривать как микроакты, которые инкорпорированы в основной речевой акт в виде вставной (например, *извините за выражение*) или интродуктивной (например, *простите за любопытство, но ...*) конструкции и в силу своих грамматических характеристик (императивной формы глагола) эксплицитно отсылают ко второму компоненту системы прагматических координат общения „я – ты – здесь – сейчас“, актуализируя учет фактора адресата речи.

Цель настоящего исследования – выявить особенности функционирования метакоммуникативных извинений в публичном диалоге, а именно в интервью в российских печатных СМИ. Анализ проводился на базе языкового корпуса, в который вошло более 200 текстов интервью (материал был собран методом сплошной выборки из популярных газет, привлекались также и данные Национального корпуса русского языка).

Существенной характеристикой дискурса интервью является то, что в нем реплики говорящего ориентированы сразу на двух видов адресата: непосредственного индивидуального адресата (собеседника) и опосредованного массового адресата (читательскую аудиторию). Если рассматривать диалог между журналистом и интервьюируемым как „разговор для подслушивания“ („talk for an overhearing audience“ [10]), то можно предположить, что в нем будет наблюдаться более высокая степень контроля собственной речи и отсюда большее количество метакоммуникативных извинений по сравнению с обычным разговором „лицом к лицу“.

Анализ контекстуально-ситуативных условий продуцирования метакоммуникативных извинений в массмедийном интервью позволяет обнаружить множество их разновидностей, свидетельствующих о разнообразии допускаемых коммуникантами нарушений разговорных правил. В рамках данной работы мы остановимся на двух основных типах метакоммуникативных извинений, разграничиваемых в зависимости от того, какой сегмент речи оказывается в их фокусе: 1) извинения, поводом которых является употребление конкретной единицы языкового кода (лексемы или фраземы) в пределах высказывания; 2) извинения, относящиеся к высказыванию в целом.

Извинения, в фокусе которых находится определенное слово или словосочетание, связаны с нарушением максимы способа Грайса, к которой относятся частные правила: 1. “Избегай непонятных выражений”. 2. “Избегай неоднозначности”. 3. “Будь краток (избегай ненужного многословия)”. 4. “Будь организован” [2, с. 222–223]. Мы считаем возможным присоединить к ним и правило, выдвинутое Т.В. Шмелевой в рамках предложенного ею Кодекса речевого поведения, а именно: “Говори согласно норме и как принято” [9, с. 18].

Как показывают результаты обработки языковых данных, значительная часть метакоммуникативных извинений рассматриваемого типа направлена на преодоление негативных последствий от нарушения лексических норм. В результате наблюдаемой в российских СМИ последних десятилетий тенденции к „демократизации языка“ диалог, осуществляемый в рамках массмедийного интервью, стал характеризоваться большей раскованностью и неофициальностью. Это нашло отражение в активном использовании слов и выражений, относящихся к стилистически сниженной лексике. Отдавая предпочтение таким лексическим единицам, в силу их эмоционально-оценочной насыщенности, говорящие нередко прибегают к тактике метакоммуникативного извинения в качестве компенсаторного механизма.

По данным нашего корпуса, наиболее частотной конструкцией, направленной на преодоление коммуникативного дискомфорта от нарушения максимы способа в массмедийном интервью, является формула *извините за выражение*. Неслучайно из всех формул метакоммуникативных извинений, зафиксированных нами в текстовом материале, только эта конструкция нашла отражение в лексикографических справочниках. В „Большом толковом словаре“ под редакцией С. А. Кузнецова она приведена как иллюстрация к первому значению глагола *извинить*: „1. (за что, также с придат. дополнит.). Проявить снисходительность, не поставить в вину чего-л.; простить. <...> *Извините за выражение* (разг.; употребляется при введении в разговор резких, грубых слов)“ [5, с. 378]. О распространенности этой устойчивой формулы свидетельствует и ее включение в „Большой русско-английский фразеологический словарь“: „извини(те) (прости<те>) за выражение *coll* – used to ask the listener's indulgence when the speaker uses improper, vulgar language“ [1].

Рассмотрим отрывок из интервью (1), где представлен типичный случай использования данной вставной конструкции при употреблении бранного слова, в принципе не характерного

для речи культурных людей (каким, безусловно, является говорящий). Крайне негативная номинация *дебил* („2. *Бранно*. О тупом, несообразительном человеке“ [5, с. 244]) выбрана интервьюируемым в качестве подходящего средства для выражения его возмущения бездуховностью и необразованностью некоторых представителей молодого поколения, а сопутствующая формула извинения призвана восстановить коммуникативный дисбаланс, причиненный употреблением дисфемизма – слова, несущего заряд грубости и интолерантности.

(1) В. О: *Но понимает ли молодое поколение, о чём поётся в песне „День Победы“?*

Л. Л.: *Думаю, люди интеллигентные, умные, конечно, понимают. А те, кто смотрит программы типа „Дом-2“ и не знает, кто такой Гагарин, – о них и говорить нечего. Старые песни были рассчитаны не на дебилов, **извините за выражение**, они образовывали, воспитывали (интервью Валентины Оберемко с певцом Львом Лещенко, Аргументы и факты, 01.02.2012).*

Таким образом, метакоммуникативное извинение маркирует „зону напряжения“ в дискурсе и одновременно с этим смягчает резкость номинации. В некоторых случаях, однако, негативное воздействие, которое оказывает на читателя использование стилистически сниженного выражения, не поддается нейтрализации. Так, в (2) производит впечатление неоправданно грубое звучание, которое придает реплике интервьюируемого выбранный им „чересчур образный“ способ вербализации смысла 'забыть навсегда, оставить в прошлом'.

(2) В. К.: *Три года назад, после Ванкувера, Селифонова уволили из сборной „без суда и следствия“. Сейчас вернули. Как-то очень легко судьбами людей у нас играют. Может, в этом главная беда?*

В. П.: *Всех нас когда-то увольняли и снимали. Иногда с треском. Профессия такая. <...> Но знаете, что сейчас главное? Все забыть и объединиться. А все свои обиды, **извините за выражение**, нужно засунуть в одно место (интервью Вячеслава Коломийчука с советником президента Союза биатлонистов РФ Валерием Польховским, Советский спорт, 03.06. 2013).*

Из приведенного диалогического единства видно, что интервьюируемый деятель спорта вступает в полемику с журналистом, высказавшим свою позицию в реплике-стимул. В своем пафосе он позволяет себе нарушить правила хорошего тона, но заходит слишком далеко: использованная им фраза воспринимается как непристойная, вульгарная, несмотря на входящий в ее состав эвфемизм (*одно место*). При таком резком снижении стилистического регистра в массмедийном диалоге стандартное метакоммуникативное извинение оказывается недостаточным, чтобы предотвратить возникновение коммуникативного дискомфорта.

Синонимичный вариант данного метакоммуникативного извинения, в состав которого входит форма *простите*, встречается в нашем корпусе значительно реже. В (3) представлен отрывок из интервью, где метакоммуникатив *простите за выражение* нацелен на снятие отрицательных коннотаций, которые может актуализировать разговорное слово *пацан*.

(3) Д. Г.: *Номер один в рейтинге сейчас Магнус Карлсен. Чем объясняется феномен норвежца, который стал чемпионом мира в 23 года? За счёт чего этот, **простите за выражение**, пацан обходит опытных гроссмейстеров?*

В. К.: *Помимо таланта у Магнуса лошадиное здоровье и отменная нервная система. <...>. Думаю, в ближайшее время вряд ли кто-то сможет с ним конкурировать. А что касается возраста, то, когда я выиграл у Каспарова, мне тоже было 25. На самом деле шахматы – это игра молодых (интервью Дмитрия Гранцева с бывшим чемпионом мира по шахматам Владимиром Крамником, Аргументы и факты, 01.07.2015).*

В тексте этого диалога значение 'молодой' играет ключевую роль (отметим, что в качестве заголовка интервью выбрана цитата именно из приведенного выше вопросо-ответного единства – Владимир Крамник: „Шахматы – это игра молодых“). Журналист инициирует обсуждение темы возраста с 40-летним гроссмейстером, используя номинацию *пацан* по отношению к молодому норвежскому шахматисту. В отличие от (2), здесь метакоммуникативное извинение направлено на превенцию незначительного по своей силе негативного эффекта – ведь лексема *пацан* (ср. ее словарное значение: „разг. мальчишка“ [5, с. 788]) сама по себе не предполагает реакцию неприятия, хотя и выражает пренебрежительное отношение к референту. По всей видимости, однако, в представлениях говорящего она имеет налет сниженности. На наш взгляд, такое отнесение слова *пацан* (в контекстуальном значении 'молодой человек, парень') к разговорно-сниженному регистру небезосновательно: наличие у этой лексемы семантических дериватов, принадлежащих субстандарту, точнее, к жаргону (см. „пацан 2. член молодежной группировки – «конторы»“ [6, с. 583]), накладывает свой отпечаток и на интерпретацию его

разговорного лексико-семантического варианта. Вследствие этого появляется потребность в метакоммуникативном извинении.

Помимо универсальной формулы *извините/простите за выражение*, предоставляющей возможность адресату самому оценить, какое качество употребленной языковой единицы требует коммуникативного смягчения, в процессе обработки эмпирического материала было выявлено множество других конструкций метакоммуникативного извинения, в которых данное качество эксплицируется. К ним относятся: *извините/простите за грубое слово (выражение)*, *извините/простите за грубость*, *извините/простите за жаргон (сленг)*, *извините за просторечие*, *извините/простите за моветон* и др. Посредством введения этих конструкций в свою речь говорящий производит идентификацию допущенного нарушения языковой нормы и обращается к адресату с просьбой проявить терпимость к этому нарушению.

В реплике (4), например, примечательно то, что в рамках метакоммуникативного извинения интервьюируемый, исходя из позиций наивной лингвистики, дает адекватную стилистическую характеристику использованной им субстандартной лексической единицы. Актуализируемый здесь лексико-семантический вариант глагола *зачесаться* мы нашли в словаре Т. Ф. Ефремовой (в указанном выше словаре под редакцией С. А. Кузнецова он отсутствует). Лексикографический источник относит его к разговорно-сниженному пласту русской лексики: „2. перен. разг.-сниж. Начать действовать, проявляя активность, заинтересованность в чем-либо“ [4], который в данном случае совпадает с просторечием (помета *прост.* в словаре отсутствует).

(4) *И в оборонке, и в других отраслях наложенные санкции могут и должны послужить хорошим стимулом для того, чтобы наши отрасли промышленности стали действовать более активно как в плане собственного развития, так и в сфере кооперации с теми странами, с которыми этой кооперации раньше не было. Я надеюсь, что такая отчасти шоковая терапия послужит некоторым нашим отраслям, чтобы они, **извините за просторечие**, зачесались (интервью с руководителем администрации президента России Сергеем Ивановым, Российская газета, 22.09.2014).*

Преобладающее большинство контекстов показывает, что коммуниканты выходят за пределы литературного языка в поисках более яркой экспрессии. Типичным примером может послужить реплика представителя оппозиционной партии „Яблоко“, в которой употребление просторечного глагола *жрать* мотивировано интенцией выразить подчеркнуто негативную оценку метафорически описываемой денотативной ситуации в соответствии с общей критической тональностью речи:

(5) *На виду у всех у людей украли государство. Вот есть наша вещь – этот стол. Его взяли и украли, поставили чужую посуду, сидят, жрут круглосуточно, **извините за непарламентское выражение**. И нам говорят: видите, как красиво все выглядит, как похоже на европейскую страну! (интервью с кандидатом в депутаты Госдумы Львом Шлосбергом, Новая газета, 03.08.2016).*

Учитывая статус говорящего как кандидата в депутаты российского парламента, нельзя не заметить, что сравнительно недавно появившийся в русском языке устойчивый оборот *непарламентское выражение* (калька с англ. *unparliamentary language*), употребляемый в значении 'грубое, оскорбительное слово/словосочетание', придает метакоммуникативному извинению особое ироническое звучание.

А теперь обратимся ко второму из названных выше типов метакоммуникативных извинений, относящихся к содержанию всего высказывания. Здесь мы рассмотрим одну из разновидностей таких извинений, которая связана с нарушением максимы такта, выявленной Дж. Личем в качестве составляющей Принципа вежливости. Она сформулирована следующим образом: „Уменьшай ущерб, наносимый другому, увеличивай выгоду другого“ [11, с. 109]. Вполне закономерно несоблюдение первой части этой максимы, заключающееся в нарушении требования невмешательства в личную сферу собеседника или третьего лица, предполагает извинение со стороны говорящего.

В нашем корпусе широко представлены речевые акты вопроса, нарушающие максимум такта, которым сопутствуют (чаще всего в препозиции) метакоммуникативные извинения *извините/простите за нескромный вопрос*, *извините/простите за слишком личный вопрос*, *извините/простите за бестактность* и др.

Предопределенный спецификой жанра интерес к тому, что может сообщить интервьюируемый, влечет за собой стремление журналиста задавать любые вопросы, которые заполнили бы существующий информационный дефицит в ходе диалога. Вопросительные реплики в газетном интервью нередко имеют цель заинтриговать читателя и при этом добиться

у интервьюируемого ответа, который удовлетворил бы любопытство массовой аудитории. Помимо интересов массового адресата, журналист старается соблюсти и интересы своего коммуникативного партнера и засвидетельствовать уважение к нему посредством извинения. Таким образом он пытается предотвратить возможную негативную реакцию на „неудобный“ вопрос.

В фокусе метакоммуникативного микроакта *извините/простите за нескромный вопрос* часто оказывается вопросительная реплика, касающаяся зарплаты или общего финансового состояния собеседника (из зафиксированных 30 примеров использования данной конструкции в газетных интервью более половины относится именно к данной тематической сфере). Так, в примере (6) журналист считает необходимым заранее извиниться за то, что интересуется источником доходов собеседника, учитывая правила коммуникативной этики, согласно которым спрашивать о таких вещах не принято.

(6) В. М.: *Когда я Maserati купил за 4 миллиона рублей, там вообще все с ума сошли и чуть от зависти не умерли. А кто им-то мешает столько зарабатывать? Мне же эти деньги никто не подарил!*

А. Л.: **Простите за нескромный вопрос:** *каким образом в команде-средняке первого дивизиона можно заработать на Maserati?* (интервью Андрея Лялина с футболистом Вартаном Мазаловым, Советский спорт, 21.04.2009).

В данном контексте заслуживает внимания тот факт, что интервьюируемый первым начинает говорить о деньгах, и поэтому продуцирование микроакта метакоммуникативного извинения, предшествующего вопросу на эту тему, не является обязательным. Тем не менее, журналист решает использовать стандартную конструкцию извинения, следуя стереотипу речевого поведения в подобных коммуникативных ситуациях.

Кроме сферы личного финансового состояния, в число сфер, к которым не принято проявлять явный интерес, входят так называемые „вредные привычки“ собеседника (**Простите за нескромный вопрос, вы позволяете себе выпивку?**) и его религиозная принадлежность (**Извините за нескромный вопрос, но какого вероисповедания Вы придерживаетесь**).

Нам встретилось также много случаев, в которых данная формула извинения за бестактное речевое поведение направлена на смягчение импозитивности вопроса, касающегося личной жизни интервьюируемого. Например:

(7) М. С.: **Простите за нескромный вопрос, вы с Властимилом официально развелись?**

З. П.: *Да. Но у нас хорошие, добрые отношения. У Властимила есть другая женщина* (интервью Марии Сосниной с Зузанной Петржеловой, бывшей женой экс-тренера „Зенита“ Властимила Петржелы, Советский спорт, 25.12.2008).

Вопросы такого плана могут снабжаться и иным вариантом предисловия-извинения, прямо указывающего на личный характер запрашиваемой информации:

(8) М. Р.: **Татьяна, извините за личный вопрос, но в последнее время все пишут о вашем разводе с Владиславом?**

Т. Б.: *Сначала я смеялась, а теперь не знаю как реагировать на подобные статьи о нашем разводе. Я официально замужем. И на развод никто из нас не подавал* (интервью Марии Ремизовой с популярной певицей Татьяной Булановой, Комсомольская правда, 15.03.2013).

В обоих приведенных выше микродиалогах тактика извинения, направленная на превенцию возникновения коммуникативного напряжения, оказывается успешной – интервьюируемая отвечает на заданный вопрос спокойно, без раздражения.

Как известно, реплики-стимулы в массмедийном интервью не всегда представляют собой речевые акты вопроса. Возможно и применение иной дискурсивной тактики: журналист излагает коротко свои рассуждения на интересующую его тему, оставляя возможность собеседнику дать более развернутый комментарий. Такой случай представлен в (9), где журналистка вынуждена нарушить конверсационное правило неприкосновенности личной сферы другого, чтобы спровоцировать собеседника на обсуждение истории его отношений с гражданской женой. Метакоммуникативное извинение придает некоторую деликатность речевому акту оценки их внебрачной (на тот момент) связи.

(9) Р. М.: *Наталья не один год вас добивалась. И в какой-то момент, простите за слишком личное замечание, ваша связь со стороны могла показаться трагичной.*

А. Ж.: *Да, Наташа многое пережила. Я ведь был женат. Все развивалось очень непросто. Она ждала, долго ждала. Ни слова упрека не сказала* (интервью Раисы Мурашкиной с известным фигуристом и тренером Александром Жулиным, Комсомольская правда, 25.07.2013).

Хотя и реже, в ответных репликах интервьюируемого также может производиться нарушение максимы такта. В следующем фрагменте интервью нежелательная импозитивность, нуждающаяся в метакоммуникативной оговорке, связана с потенциальным нанесением ущерба третьим лицам:

(10) А. П.: *Сергей, почему окна в грим-уборных артистов не прорубили?*

С. Ф.: <...> *Большой театр – исторический памятник. Кто позволит рубить в нем дополнительные окна для артистов? Что действительно появилось в грим-уборных – это души. До реконструкции его не было. И артистам, в том числе и народным, приходилось стоять в очереди, чтобы, простите за подробности, смыть пот после спектакля* (интервью Анастасии Плешаковой с художественным руководителем балета Большого театра Сергеем Филиным, Комсомольская правда, 10.11.2011).

Здесь в фокусе метакоммуникативного извинения *простите за подробности* находится высказывание, в котором затрагивается табуированная тема личной гигиены человека. В данном контексте обсуждение таких деликатных деталей из повседневной жизни артистов балета входит в противоречие с хорошим тоном, но обслуживает намерение говорящего подчеркнуть абсурдность описываемой ситуации.

В заключение отметим, что, применяя дискурсивную тактику метакоммуникативного извинения, участник интервью учитывает, прежде всего, тот резонанс, который вызовет у читательской аудитории осуществленное им нарушение конверсационных норм и правил. Призывая адресата отнестись со снисхождением к допущенному нарушению, он презентует себя как опытного коммуниканта с достаточно высокой культурой речи, позволяющей ему вполне сознательно отклоняться от стандарта и одновременно с этим демонстрировать свою интенцию нейтрализовать/смягчить негативные последствия такого речевого поступка.

References:

1. Bolshoj russko-anglijskij frazeologicheskij slovar (2004) Moskva
2. Grajs G. P. (1985) *Logika i rechevoe obshchenie* // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XVI: *Lingvisticheskaya pragmatika*. Moskva
3. Dementev V. V. (2006) *Nepryamaya kommunikaciya*. Moskva
4. Efremova T. F. (2000) *Novyj slovar russkogo yazyka*. Tolkovo-slovoobrazovatelnyj. Moskva
5. Kuznecov S. A. (2008) (red.) *Bolshoj tolkovyj slovar*. Sankt-Peterburg
6. Nikitina T. G. (2009) *Molodezhnyj sleng*. Tolkovyj slovar. Moskva
7. Petkova S. (2016) *Pragmaticheskie markery mezhlichnostnogo vzaimodejstviya v publichnom dialoge* // *Sapostavitelno ezikoznanie*. № 2. S. 84–100.
8. Ratmajr R. (2003) *Pragmatika izviniya: Sravnitelnoe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoj kultury*. Moskva
9. Shmeleva T. V. (2006) *Kodeks rechevogo povedeniya* // *Shmeleva T. V. Tekst kak obekt grammaticheskogo analiza*. Krasnoyarsk, S. 12–19
10. Heritage J. (1985) *Analyzing news interviews: aspects of the production of talk for an overhearing audience* // van Dijk T. A. (ed.). *Handbook of Discourse Analysis*. Vol. 3. London, p. 95–117.
11. Leech G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London & New York